

СОВЕТСКИЙ/РОССИЙСКИЙ ПАТРИОТИЗМ КАК ГЕНДЕРНЫЙ ПРОЕКТ

*«Давайте прыгать, девушки!», или
советский патриотизм в гендерном измерении*

Ольга Никонова

Летом 1938 года 20-летняя жительница Перми Антонида Смертина подала заявление в областную комиссию по набору в школы гражданских летчиков. «Я уже окончила пилотскую программу при Молотовском аэроклубе в 1937 году, сдала практику и теорию на хорошо, - писала девушка. - Мне очень хочется учиться дальше, получить больше знаний в авиации, а потому меня не интересует быть пилотом запаса...»¹ Другая девушка - Елизавета Стряпунина - убеждала комиссию в том, что она желает «быть достойным пилотом нашей родины, а также в случае военного положения быть в рядах наших лучших бойцов-героев счастливой страны и вместе с ними дать отпор врагу»². В потоках заявлений на поступление в военные и гражданские летные школы, захлестнувших местные комитеты комсомола и приемные комиссии во второй половине 1930-х гг., то и дело встречаются бумаги, подписанные женскими именами. Чаще всего на них стоят «отказные» резолюции. Вопрос «почему» наталкивается на загадочную фразу из переписки между советскими функционерами, отвечавшими за набор: «О девушках установка прежняя..»³ Поиски таинственной «прежней установки» в местных архивах ничего не дают. Вернее всего, что ее «следы» нужно искать в хранилищах военного архива в Москве. Можно попробовать, однако, обойтись без прямого ответа.

Накануне войны в СССР были тысячи таких Антонид и Елизавет. Пройдя военную подготовку в одном из летных клубов Осоавиахима и не пробившись

в авиацию в 1930-е гг., они получили шанс воплотить свои героические мечты в годы Великой Отечественной войны. Несмотря на массовость явления, биографии таких женщин остались в историографии сталинизма практически незамеченными⁴. История советского патриотизма и милитаризации межвоенного СССР, написанная до сих пор, - традиционная «мужская» история. Женщины в ней пристроились как бы на обочине, лишней раз исключительностью своего появления подтверждая правило.

Между тем, «гендерный» аспект дает шанс увидеть феномен сталинизма и советского патриотизма 1930-х гг. более адекватно, во всей его сложности и многообразии.

Гендерный порядок и война

Последние полтора десятилетия аспекты женского участия в мировых войнах и гендерное измерение военных конфликтов притягивают внимание исследователей в России и на Западе⁵. За это время идея о связи военного дискурса, процесса формирования нации и «конструкции пола» стала одной из ключевых в европейской историографии. Мировые войны XX в. не только ускорили процесс образования наций на европейском континенте, но и с огромной силой воздействовали на традиционные гендерные отношения в обществе⁶. Изменение гендерного порядка, начавшееся в современную эпоху под влиянием индустриализации, получило новый импульс в условиях призыва мужской части населения в действующие армии и замещения мужского труда женским и детским на производстве. Стирание четкой грани между фронтом и тылом в тотальных войнах с их оккупациями, политикой геноцида и принудительного труда, бомбардировками тыловых населенных пунктов, массовыми армиями, не исключавшими участия женщин, привели к падению последнего «оплота» мужчин - казалось бы, исключительно мужского «права» быть воином и защитником государства. Война заставила женщин сначала усомниться в беспорности и эффективности мужского доминирования на поле боя, а затем пересмотреть свои традиционные поведенческие стереотипы.

И в России, также как и в других странах Европы, война стала важным фактором трансформации гендера⁷. Новый женский опыт, приобретенный во время войны, простирался от опыта «солдатки» до опыта «комбатанта». В данном случае особенно интересно, что часть российских женщин нарушила каноны гендерных репрезентаций в годы Первой мировой войны, вступив на исконно мужскую территорию - на поле боя. В войне россиянки приняли участие не только в качестве сестер милосердия, но и как рядовые бойцы. В этой войне женщина-солдат перестала быть казусом, как когда-то кавалерист-девица Надежда Дурова. Численность необычных комбатантов по подсчетам исследо-

вателей доходила до пяти тысяч⁸. Несмотря на это, в дореволюционной России образ женщины-воина не нашел отражения в господствующем патриотическом дискурсе. В нем доминировала традиционная репрезентация женщины (матери, жены, сестры), ожидающей солдата (офицера) с фронта и своей верностью и благонаправленностью поддерживающей его моральный дух⁹. Для самих женщин «символом гражданственности», по утверждению Р. Стайтса, стало сестринское дело¹⁰, хотя здесь, вероятно, имеет смысл говорить в первую очередь о представительницах элиты, интеллигенции, городских средних слоев. Гражданская война подтвердила наметившуюся тенденцию гендерной трансформации - усиливающееся проникновение женщин в сферу «традиционно мужского». Численность женщин, участвовавших в войне только на стороне «красных», составила по неточным данным почти 74 тысячи. Более разнообразными стали и формы участия - от выполнения традиционных функций медицинской сестры до службы в органах разведки и политического руководства, участия в партизанских отрядах. Хотя крупных женских боевых формирований, подобных батальонам смерти, в Красной Армии не существовало, добровольческие женские подразделения были нередки¹¹. Для женщин без революционного прошлого активное участие в гражданской войне, несомненно, было опытом эмансипации.

Новый тип женственности, утверждавшийся в эти годы, в значительной степени был «списан» с профессиональных революционерок прежних лет. В основе своей сохранялась и социальная ориентация этого образа - горожанка, представительница демократической интеллигенции, студентка. Вместе с тем, произошла и его корреляция в сторону усилившейся воинственности и мужественности. Это проявилось как во внешней атрибутике (ношение мужской одежды, оружия), так и в акцентировании черт, считавшихся нехарактерными для женщин (жесткости, готовности к насилию, беспощадности и др.). Последнее в репрезентации женщины-бойца стало новшеством по сравнению с мировой войной, когда кодовыми словами были «доблесть», «патриотизм» и «самопожертвование», хотя суть женского участия в «ударных батальонах» была той же - убивать. Сомнительно, однако, считать «комиссарш» и «красных партизанок» исключительно наследницами полувековой традиции участия женщин в революционном движении¹². Кровавый беспредел эпохи гражданской войны заставлял женщин «подтягиваться» до уровня мужских поведенческих стереотипов, и новый образ женщины был ответом на изменившиеся условия существования.

Опыт активных участниц гражданской войны, несомненно, нельзя распространять на все женское население России. Охарактеризованный выше новый, «милитаризированный» тип женственности также не был доминирующим. В зависимости от социальной, этнической и локальной принадлежности носительниц опыт войны простирался от опыта «жертв» насилия до «бабьих бунтов» и «бабьего самоуправления» в медвежьих уголках глухой провинции¹³.

Несомненно, однако, что войны - мировая и гражданская - привели к пересмотру представлений женщин о гендерном порядке, о самих себе и о мужчинах. И произошло это раньше, чем большевистская пропаганда и женсоветы добрались до отдаленных регионов страны. Наличие нового женского опыта и возможность его передачи детям необходимо учитывать при анализе процессов, происходивших в 1930-е гг. Другим важным моментом является отношение власти к изменяющейся роли женщин. На протяжении первых послереволюционных десятилетий власть, вне зависимости от ее идеологической окраски, играла по правилам патриархатной модели. Способы мужского доминирования простирались от сечения розгами и надзора¹⁴ в годы гражданской войны до политической индоктринации, манипулирования лозунгами эмансипации и контроля за политической активностью женщин в довоенном СССР.

Крестьянка хочет, чтобы и ей дали винтовку, или "женское лицо" советского патриотизма

Патриотический дискурс 1930-х гг. в «женском вопросе» был наследником первого послереволюционного десятилетия, включал в себя переоценку традиционных для российской империи гендерных ролей и репрезентаций. Новые образцы толкования и ритуалы, связанные с отношениями полов, вобрали в себя те изменения, которые российский гендер претерпел с конца XIX в. Распространение идей эмансипации в слоях образованных и городских женщин, первые попытки организованного женского движения, активное участие женщин в революционной деятельности не прошли даром. Идеологи советского варианта социалистического феминизма - А. Коллонтай, К. Самойлова, Н. Крупская - вышли из рядов российских революционерок. В идеологию «женского вопроса» в СССР они принесли марксистское понимание задач женской эмансипации и женского движения, организационный опыт революционной работы и этос профессиональных революционерок¹⁵.

Англо-американские исследования последних лет по истории сталинизма, касающиеся гендерной проблематики, акцентируют идею сталинского «термидора» - возврата режима к традиционным ценностям в области взаимоотношений полов, фактическую ревизию модели гендерного порядка, намеченной А.М. Коллонтай и другими социалистическими феминистками. Дискурс о женском равноправии и эмансипации интерпретируется исследователями как «empty rhetoric», риторические упражнения власти, отнюдь не обязывавшие ее к реальным изменениям положения женщин¹⁶.

Об иллюзорности женской эмансипации в СССР сегодня дружно рассуждают и немногочисленные российские исследовательницы советского гендера (вернее, его «прекрасной половины»)¹⁷. Попробуем все же еще раз взглянуть

на эту проблему с определенного ракурса. Рассмотрим «женский вопрос» в СССР в контексте формировавшегося советского патриотического дискурса. Обратим внимание на появление новых женских ролей и репрезентаций с учетом опыта прошлых войн, в связи с фактором «ожидания войны» в 1930-е гг., в рамках складывания патриотического дискурса в СССР, в связи с гендерным обликом власти и гендерными ожиданиями советских людей.

Советский патриотизм 1930-х гг. был коммуникативной практикой, нацеленной на достижение единства советского общества. Учитывая социальную, этническую и культурную гетерогенность населения, патриотический дискурс, чтобы быть эффективным, должен был интегрировать в себя разнообразные культурные модели и образцы толкования, учитывать половую дифференциацию.

Патриот в сталинском СССР не был существом бесполом. В выражении любви к социалистическому отечеству советская женщина могла в полной мере насладиться равноправием, которое простиралось вплоть до возможности защищать это отечество с оружием в руках. В модели советской патриотки нашли отражение общий опыт, приобретенный большевиками в последних войнах, сугубо женский опыт войн, а также ожидания молодого поколения советских женщин, вызванные эмансипирующей риторикой власти.

Новизна женского патриотического образа заключалась в акцентуации женщины - активной участницы военных действий, а не только матери, дочери или сестры защитника отечества: «Во всех революционных битвах трудящиеся женщины шли нога в ногу, плечо к плечу со своими мужьями, отцами и братьями. Так было еще больше пятидесяти лет назад - в дни Парижской Коммуны... Женщины и дети с 13 лет боролись во время Коммуны наряду с мужчинами, и тов. Ленин по этому поводу писал: "Иначе не может быть и при грядущих битвах за низвержение буржуазии. Пролетарские женщины, - говорил он, - не будут смотреть пассивно (спокойно и безучастно), как хорошо вооруженная буржуазия будет расстреливать плохо вооруженных или невооруженных рабочих. Они возьмутся за оружие, как в 1871 году"¹⁸.

Место абстрактной для большинства женщин Парижской Коммуны или примеров из российского революционного движения, отсылавших к социально далеким интеллигенткам, чаще занимало упоминание об участии женщин в гражданской войне. Это событие было еще живо в коммуникативной памяти современниц событий. Для обоснования активной, вооруженной позиции советской женщины в деле защиты государства от внешнего врага гендерно нейтральные патриотические образцы толкований адаптировались специально для женской аудитории. Так в специальной женской литературе¹⁹ топоры об «СССР как отечестве всех трудящихся» и неизбежности новой империалистической войны были перетолкованы при помощи рассказов о двойном угнетении женщин в буржуазных государствах и о классово-женской солидарности.

Контекстом, в котором разрабатывался новый женский образ, стала концепция тотальной войны. Благодаря активной пропаганде, она была широко распространена на уровне массового сознания и формировала «ожидания» советских людей в межвоенный период²⁰. В целях социальной мобилизации пропаганда особенно настойчиво подчеркивала стирание границ между фронтом и тылом в будущей войне, представляла отдаленный тыл таким же уязвимым и небезопасным, как вероятные прифронтовые районы: «В каком бы глухом месте ты ни находился, будущая война может так или иначе тебя коснуться. Даже если ты остался непризванным в армию и сидишь дома, неприятель сможет тебе причинить вред. Аэропланы противника могут залететь далеко в тыл и сбрасывать на заводы, фабрики, города, села, деревни бомбы, ядовитые газы»²¹. Учитывая характер будущей войны, военные ориентировали «добровольческие оборонные» организации и советский Красный Крест на подготовку женщин для оказания медицинской помощи и в области противохимической обороны.

Мощным импульсом, вызвавшим подъем патриотических настроений у населения и стимулировавшим интерес к военному делу, стал локальный конфликт на Дальнем Востоке. В целом «удачный» для СССР, он был сразу же «встроен» в публичную коммуникацию при помощи широкого освещения в прессе, издания воспоминаний участников, организации вечеров встреч с «героями Хасана». Секретарь одного из райкомов Свердловска, участник событий на оз. Хасан Попов, выступая на областной конференции Осоавиахима в апреле 1939 г., так охарактеризовал будущую войну и роль женщины в ней: «На опыте у оз. Хасан можно сказать, что... женщины были взяты в бой, все госпитали обслуживались девушками, женщинами. . Женщина будет играть большую и решающую роль даже если она не будет на фронте, госпиталь будет находиться за несколько тысяч километров в тылу...»²².

Несомненно, что к концу 1920-х гг. многие советские женщины научились «играть по правилам» власти и «говорить по-большевистски»²³, что проявлялось и в их публичных патриотических репрезентациях. «У меня просьба ко всему съезду и центральной власти: нужно больше женщин вовлекать в военные кружки. Среди крестьянок раздаются голоса о том, что хотя мы и не хотим ни на кого наступать, но если на нас нападут, то мы не будем поступать так, как раньше, - ударят тебя по одной щеке, ты подставляешь другую. Такие взгляды уже изжиты, - цитирует популярная брошюра «Работница и крестьянка на страже СССР» крестьянку Воронежской губернии Гайдину. - Крестьянка хочет, чтобы и ей дали винтовку, чтобы и она могла защищать советское государство»²⁴. Жительница одной из уральских деревень заявила, выступая на окружном совещании женского актива Осоавиахима в ноябре 1927 г., что «... мы крестьянки не боимся врагов СССР и будем всеми силами помогать в обороне нашей страны...»²⁵.

Понять, что скрывается за этой патриотической риторикой или определить, насколько широко она была распространена среди советских женщин, достаточно сложно. Рядовые осоавиахимовки, осваивавшие самолеты, и провинциальные домохозяйки, изучавшие правила обращения с противогазом, как правило, не вели дневников и не публиковали воспоминаний. Да и некритичное использование так называемых «эго-документов» эпохи сталинизма в последние годы вызывает все больше сомнений²⁶. Вероятно, необходимо, с одной стороны, определить круг источников, которые помогли бы выявить «*hidden transcripts*» и «*eigen-sinn*»²⁷ в контексте патриотической риторики, с другой стороны, принять в качестве критерия эффективности женских патриотических репрезентаций их реализацию, то есть, действительное участие женщин в защите «социалистического отечества».

Образцовая женственность

Женские патриотические образы пропагандировались в советской литературе, плакате, кино и прессе не менее активно, чем мужские. Можно с уверенностью сказать, что пропагандой было сформировано несколько типов «патриотической» женственности, адресованных различным поколениям женщин и имевших различную функциональную нагрузку. Этот факт совпадает с наблюдениям других авторов о дифференцированности женских репрезентаций по поколениям²⁸.

«Ровесницы» революции и гражданской войны, принимавшие участие в боях «за власть советов» (медицинские сестры, врачи, женщины-красноармейцы, партизанки) составляли когорту «героинь гражданской войны». Их воспоминания печатались практически в каждом номере журнала «Работница». Очевидно, что эта возрастная группа не входила в число возможных комбатантов будущей войны, но она выполняла важную функцию передачи культурных кодов, олицетворяя собой патриотический женский образ недавнего революционного прошлого. «Если в годы гражданской войны женщины в армии насчитывались сотнями, тысячами, - заключала свои воспоминания врач Шифра Хотимская, - то теперь, если понадобится, трудящиеся женщины Страны Советов встанут все, как одна, на защиту своей великой социалистической родины»²⁹. Другой тип патриотической женственности представляют жены комсостава Красной Армии. Этой репрезентации свойственно смешение «разножанровых» в досоветском прошлом образов матери, заботливой хозяйки (в традиционном понимании), жены-товарища (культивировавшегося в браках между революционерками) и, конечно, женщины-воина, готовой в любую минуту заменить мужчину на фронте. «Мы не только жены, мы близкие друзья и товарищи своих мужей, командиров нашей доблестной Красной Армии, - писала одна из жен

командиров, совершивших восхождение на Казбек. - Мы вместе с ними хотим активно участвовать в обороне страны»³⁰.

И, пожалуй, доминирующим типом патриотической женственности был образ молодой женщины, комсомолки, занимавшейся одним из военизированных видов спорта³¹. Образ летчицы или парашютистки из всех женских репрезентаций был максимально приближен к доминирующему типу советской мужественности того времени, в значительной степени воплощенной в Чкалове, Ляпидевском, челюскинцах³². Одновременно эта женская репрезентация прекрасно вписывается в общеевропейский контекст межвоенного периода с его массовым увлечением спортом, авиацией и техникой. В этой репрезентации подчеркивалось преодоление традиционной женской повседневности, связанной с домашними заботами, семьей и воспитанием детей. Такие черты как выносливость, физическая сила, ловкость, упорство, стойкость, героизм также сближали этот тип женственности со сферой мужского. Хотя, вероятно, для самих бывших крестьянских девочек, какой была, например, Полина Осипенко, «физкультурная сторона» образа воспринималась как наиболее естественная. Вряд ли им был близок образ изнеженной городской барышни, характерный для элитарного гендерного порядка в дореволюционной России. Недаром в воспоминаниях девушек-спортсменок прочитывается недоумение, с которым они воспринимали запреты на выполнение более трудных и опасных заданий³³.

Доминирующий тип женственности наряду с кинофильмами и иконографией 1930-х гг. пропагандировал красоту здорового и спортивного женского тела. Расхожий тезис о мужеподобности образа комсомолки и спортсменки (милитаристский стиль в одежде или просто ношение военной формы, короткая стрижка и пр.) не полностью соответствует действительности. Бесполость мужчин и андрогинность женщин нельзя считать доминирующей тенденцией в гендерных репрезентациях³⁴. В «Записках штурмана» Марины Расковой есть несколько эпизодов, в которых она описывает свои встречи с известной летчицей Валентиной Гризодубовой. Каждый раз она уделяет внимание внешности подруги, отмечая ее стремление следовать моде. Валентина Гризодубова, упоминает Раскова, даже на летном поле могла появиться в туфлях на каблучке, красивом пальто и модной шляпке³⁵. Парашютистка Н. Бабушкина, рассказывая о полете их «девичей команды» на международный авиационный слет в Румынии, как бы невзначай упоминает о том, что у всех девушек на руках был маникюр³⁶.

Вместе с тем, необходимо учитывать, что для реализации своей «женственности» известные девушки-пилоты или другие спортсменки, допущенные в публичные сферы сталинского общества, обладали гораздо большими материальными возможностями, чем провинциалки. Осоавиахимовская форма, обладательницами которой становились курсантки аэроклубов, зачастую была одеждой «на все случаи жизни», маскировавшей бедность женского гардероба. И, тем не менее, женственность и воинственность отнюдь не казались не-

совместимыми, что подтверждается и наблюдениями других исследователей³⁷. У очаровательных девушек с коммерческих советских плакатов, рекламировавших зубную пасту или духи, на головах - не модные шляпки и не революционные косынки, а летчицкие шлемы³⁸.

Женщины в военно-патриотической организации Осоавиахим: мечта, любовь, карьера

Для мужчин основным местом их политического и гражданского «воспитания» была Красная армия³⁹. Женщины в советском государстве не подлежали призыву в армию, поэтому основным инструментом «перековки» их в патриотов стала военно-патриотическая организация Осоавиахим. Именно здесь наиболее активно велась пропаганда образа женщины-бойца, а также происходило обучение женщин практическим навыкам обращения с оружием, военной техникой, средствами защиты от отравляющих веществ, военно-санитарному делу. В региональных осоавиахимовских организациях создавались женские секции⁴⁰, данные по количеству привлеченных в Осоавиахим женщин учитывались особо, наряду с информацией о привлечении национальных меньшинств в национальных регионах и статистикой о партийно-комсомольском составе. Основная часть женщин рекрутировалась на предприятиях и в учебных заведениях. Крестьянки и домохозяйки также не оставались без внимания осоавиахимовских работников. Последних обычно привлекали в кружки противохимической обороны и санитарной подготовки, ожидая что именно эти навыки могут пригодиться в будущей войне женщинам тыловых регионов⁴¹. Крестьянок призывали вступать в противохимкоманды, обещая обучить их практическим приемам борьбы с сельскохозяйственными вредителями. Популяризации осоавиахимовского дела всеми доступными способами уделялось много внимания.

Регулярные занятия в кружках военных знаний, стрелковых секциях, в авиахимкомандах и на курсах оказания первой помощи вошли в повседневную жизнь значительной части советских женщин. Проводившиеся во вне рабочее время, занятия по военной подготовке изменяли структуру повседневности. В жизни замужних женщин сокращалось время, приходившееся на семью. Осоавиахим, таким образом, внес свой вклад в создание «двойного бремени» советских женщин⁴². Свободное время девушек было структурировано этим новым фактором. «Мне совершенно нет времени написать Генке письмо, а также готовиться к очередному занятию политкружка. Но изо всех сил собираюсь успевать везде! - писала в дневнике парашютистка Муза Малиновская. - Завтра в семь утра высотный полет, а мне к восьми на работу. Как быть? От

работы не освобождают. Бросать тренировку жалко и не могу. Как сделать, чтобы быть хорошей производственницей и еще лучшей парашютисткой?»⁴³

Милитаризованная праздничная культура СССР создавала условия для «репетиции» в игровой форме новой гендерной репрезентации. Актерский диапазон советских женщин варьировался от достаточно традиционного амплуа «плакальщицы» (проявлявшегося, например, в обязанности украшать братские могилы к празднику)⁴⁴ до прыжков с парашютом и участия в показательных стрелковых соревнованиях в день 8 Марта⁴⁵. Непрофессиональный спорт в СССР, культивировавшийся Осоавиахимом, также оказался тесно связан с зрелищностью, игрой, театром. Девушки-парашютистки в своих рассказах упоминали о том, что им приходилось совершать костюмированные прыжки и показательные прыжки в колхозах.

Готовность советских женщин прыгать, летать, стрелять была общим местом в выступлениях осоавиахимовских функционеров. «Активность трудящихся женщин Урала, выражающаяся в настойчивом желании организовывать кружки первой помощи, курсы красных сестер, участия в военных сборах и стремлении обучаться стрельбе и проч., - говорилось в одной из резолюций секции по военной подготовке женщин Уральского Осоавиахима, - должна быть обществами Осоавиахима использована и введена в организационные формы... Необходимо привлекать женщин в кружки по разведывательной работе, связи, военно-хозяйственной, необходимо вести подготовку работниц и крестьянок к обслуживанию тыловых военно-хозяйственных учреждений, обучать войсковой и агентурной разведке и штабной службе, химобороне страны...»⁴⁶.

Несмотря на оптимизм осоавиахимовских руководителей и очевидную привлекательность таких направлений деятельности Осоавиахима как подготовка летчиков и парашютистов, стрелков-снайперов и водителей автомобилей, материалы региональных осоавиахимовских организаций свидетельствуют о достаточно низком проценте женщин в рядах военно-патриотической организации. Наиболее часто встречающиеся количественные показатели свидетельствуют о том, что в уральских организациях Осоавиахима женщины составляли от 12 до 20% к общей численности. Более женскими по составу (до 50% женщин и больше) были стрелковые кружки, авиахимкоманды и отделения советского Красного Креста⁴⁷. Если допустить, что отчеты осоавиахимовских функционеров адекватно отражают сложившуюся ситуацию и ненамного завышают процент осоавиахимовок, то становится ясно, что на Урале, например, лишь одна пятая женщин попыталась примерить на себя новую роль «воинственной» патриотки.

Пределы гендерной трансформации

Успешность проекта «советская женщина - патриотка» зависела от трех главных его участников - самих женщин, мужчин и власти. Взаимоотношения в этом «треугольнике» были отнюдь не безоблачными. Выше мы уже видели, что лишь незначительная часть женщин была готова расстаться с традиционной ролью в обществе, связанной прежде всего с семьей и детьми. Необходимо также упомянуть, что среди этих 20% женщин-осоавиахимовок большинство - горожанки. Важным сдерживающим фактором для женщин были их физиологические особенности, беременность и рождение детей. «В 1932 году у меня родился сынишка - Стасик, - рассказывала М. Малиновская. - На время я прекратила свои спортивные занятия»⁴⁸. «Некоторые спрашивают, как я успеваю работать, заниматься парашютизмом и... воспитывать сына, - продолжала она. - Сын мне ничуть не мешает. Он очень спокойный. Когда он был совсем маленький (маленькие больше спят), я бывало накормлю его, уложу спать и оставляю с бабушкой, а сама уезжаю на лыжах и чувствую себя прекрасно... Он у меня не приучен к специальной пище. Набегается, устанет, и мы идем в кафе - это рядом. Я беру ему и себе кофе, пирожное, и мы сидим за столиком, как двое взрослых. Он прекрасно чувствует себя на солнце, не боится воды. Потом он даже спал на стадионе. Я брала с собой одеяльце и укладывала его в гамаке, в тени»⁴⁹. Несмотря на оптимистичный тон Малиновской, ясно, что она посвящала сыну гораздо меньше времени, чем женщина, которая оставалась верной своему традиционному призванию «хранительницы очага» и матери. Более откровенно говорила об этом М. Раскова, признававшаяся в своих воспоминаниях, что она вынуждена постоянно оставлять дочь на попечение бабушки в связи с длительными командировками и полетами⁵⁰. В любом случае очевидно, что для женщин, посвятивших себя мужским занятиям, требовавшим от них гораздо большего приложения физических и душевных сил и инвестиций времени, семья и работа (или Осоавиахим) становились двумя разными системами координат. Эти системы вполне могли существовать автономно друг от друга.

Женщинам, добившимся успеха и ставшим знаменитыми, было легче преодолевать традиционалистские стереотипы гендерных отношений и обходить опасные места противоречивого патриотического дискурса. Их гендерные «барьеры», во всяком случае, публично признаваемые, были почти «безобидными» и выступали в легкой форме мужского шовинизма осоавиахимовских и партийных руководителей, не признававших полного равенства девушек и юношей. Рядовые осоавиахимовки, если они действительно стремились к изменению своей гендерной роли, оказывались в более сложной ситуации. На пути к желанной гендерной репрезентации стояли ограниченные возможности проник-

новения в публичные сферы жизни и ярко выраженная патриархатность культурного контекста провинции. На местах женщинам и девушкам чаще приходилось сталкиваться с традиционализмом, сексизмом, дискриминацией по половому признаку со стороны мужчин - осоавиахимовских руководителей и «товарищей» по организации. «Якименко - воздушный хулиган, - сообщила докладная записка о ситуации в Свердловском аэроклубе в 1937 г., - во время полетов пикирует на аэродром, на курсантов, заставляя их ложиться на землю (Ермакова, Некрасова). Девушки-пилоты от его грубости часто плачут»⁵¹.

Не исключено, что именно сексизм и банальная грубость мужчин-осоавиахимовцев заставила руководительниц секции по военному обучению женщин поставить вопрос о возможности раздельного обучения женщин и мужчин стрелковому делу⁵². Поводом для дискриминации зачастую становилась беременность или физическая немощь женщин. Беременность с легкостью приравнивалась осоавиахимовскими функционерами к болезни или физическому недостатку. «В 1937 г. студенты 2 курсов педучилищ будут проходить лагерный сбор в военно-физкультурных лагерях ОАХ, - сообщал один из циркуляров Уральского Осоавиахима. - Все направляемые в лагери должны пройти при педучилище специальный медицинский осмотр... В лагери не будут допущены имеющие физические недостатки - калеки, больные, а также беременные...»⁵³.

Оборотной стороной патриархатного гендерного порядка зачастую было случайное или намеренное игнорирование особенностей женской физиологии, состояния здоровья или возраста. Особенно остро это ощущали, вероятно, те женщины, которые в принудительном порядке участвовали в патриотических экзерсисах власти. Докладная о проведении военизированных лагерей для учащихся и учителей средних школ сообщает о целом «букете» происшествий, связанных с женщинами. Несмотря на медицинский осмотр, в лагерях оказались 4 беременные учительницы, низкая квалификация руководящего состава лагерей привела к случаям травматизма женщин, выполнявших сложные для них физические упражнения. «Командир взвода отсутствует, - упала с турника, в результате сильного удара в голову находилась в бессознательном состоянии в течении 6 часов., - сообщалось в документе. - Имелись случаи нечуткого отношения, случаи администрирования со стороны руководящего состава лагерей к отдельным участникам. У учительницы т. Пономаревой (из школы Балтымского карьера) от физического напряжения распухли ноги и на ее просьбу дать ей освобождение от строевых занятий, врач и командир роты отказали и предложили ей заниматься»⁵⁴.

•к

Пропагандируя образ воинственной советской женщины и поощряя занятия женщин военизированными видами спорта, сталинское руководство одновременно создавало препятствия для возможно полной реализации женских «желаний». Девушки, стремившиеся освоить профессию летчика, могли это сделать лишь в системе Осоавиахима. Прием женщин в летные школы гражданской или военной авиации был затруднен. Летчицы Осипенко или Гризодубова были редкими исключениями из правил. Негласные запреты касались и освоения женщинами других «мужских» профессий - водителей автомобилей, танкистов, стрелков-снайперов. Женщины должны были осваивать вспомогательные профессии санитарок, хозяйственных администраторов, инструкторов ПВХО и др. Печальные последствия имела и фактическая неопределенность статуса женщин в армии и Осоавиахиме, и отсутствие сколько-нибудь четкой административно-правовой базы, регламентировавшей их занятия военизированными видами спорта, учитывавшей специфику женщин. Высокий травматизм и смертность, характерные для Осоавиахима межвоенного периода в целом, не обошли стороной и женщин. Т. Пайнич особо остановился на травматизме и смертности среди парашютисток, связывая эти факты с неопределенностью позиции осоавиахимовского и партийного руководства. Игнорирование «женского присутствия» в Осоавиахиме и поощрение зрелищности и популяризаторства парашютного спорта, часто не безопасных, продолжалось вплоть до гибели известных парашютисток Л. Берлиной, Н. Бабушкиной и Т. Песецкой. Эти три смерти заставили сталинское руководство впервые публично заявить, что военизированный спорт - не развлечение, а серьезное и ответственное дело⁵⁵. Случай, приводимый Пайничем, с тем же успехом можно распространить и на эпизоды, связанные с крушением самолета Расковой-Осипенко над тайгой и гибелью Полины Осипенко во время тренировочного полета.

Незавершенность и внутренняя противоречивость патриотического дискурса 1930-х гг. стала очевидной с началом Великой Отечественной войны, ознаменовавшейся возвратом к традиционным гендерным репрезентациям. В образе матери-родины, доминировавшем в официальной военной пропаганде, не осталось и следа от «воинственной» женщины довоенного сталинизма. Этот на первый взгляд удачный и предельно патриотический образец толкования оказывается однобоким на фоне беспрецедентного использования женщин в Великой Отечественной войне в качестве комбатантов⁵⁶. Масштабы женского добровольчества, усилия и жертвы женщин, приносившиеся ради преодоления фронтовой повседневности и реальностей войны, вплоть до перечеркивания собственной телесности и материнского инстинкта, до сих пор малоизвестны и мало исследованы⁵⁷.

Возможно, поворот власти к более консервативному варианту гендерного порядка, обозначившийся особенно явно во второй половине войны, нужно рассматривать как результат рационального планирования, связанного с перспективой окончания военных действий (новые экономические задачи восстановительного характера, потребность в возмещении демографических потерь, учет демографических деформаций, вызванных войной - соотношения женщин и мужчин, численности вдов, матерей-одиночек и др.).

Как бы то ни было, женские патриотические репрезентации межвоенного периода, эффективно «сработавшие» в годы войны, подверглись «ревизии» в послевоенный период⁵⁸, что привело к укреплению патриархатного порядка в СССР.

¹ ЦДООСО ф. 61, оп. 2, д. 718, л. 97.

² Там же, л. 35.

³ Там же, л. 23.

⁴ Речь в данном случае идет о научном исследовании феномена, а не о литературе агиографического, научно-популярного или мемуарного характера, которая в советское время была достаточно массовой.

⁵ Гендерные аспекты в изучении опыта мировых войн оказались в фокусе интереса исследователей Европы и Америки уже в конце 1980-х - в 1990-е гг. За прошедшее время библиография этой проблемы существенно разрослась. См., например: M.R. Higonnet, J. Jenson, S. Michel, M.C. Weitz, eds., *Behind the Lines: Gender and The Two World Wars* (New Haven: Yale University Press, 1987); J. Gallagher, *The Worlds Wars through the female Gaze* (Carbondale: Southern Illinois University, 1998); K. Hagemann, R. Prove, hg., *Landsknechte, Soldatenfrauen und Nationalkrieger: Militar, Krieg und Geschlechterordnung im historischen Wandel* (Frankfurt am Main, New York: Campus Verlag, 1998); S.R. Grayzel, *Women's Identities at War: Gender, Motherhood, and Politics in Britain and France during the First World War* (Chapel Hill: University of North Carolina, 1999); N.A. Dombrowski, ed., *Women and War in the Twentieth Century. Enlisted without Consent* (New York, London: Garland, 1999); K. Hagemann, «Von Mannern, Frauen und der Militargeschichte», *L'Homme*, 12, 2001, S. 144-153; K. Hagemann, S. Schuler-Springorum, hg., *Heimat-Front: Militar und Geschlechterverhältnisse im Zeitalter der Weltkriege* (Frankfurt am Main: Campus, 2002) и др. О женщинах России и СССР в мировых войнах см.: Алексиевич С. У войны не женское лицо (М.: Сов. писатель, 1988); L. Attwood, *Creating the new Soviet woman: women's magazines as engineers of female identity, 1922-53* (Basingstoke: Macmillan, 1999); In M. Ilic, ed., *Women in the Stalin era* (Basingstoke: Palgrave, 2001); R. Pennington, *Wings, women, and war: Soviet airwomen in World War II combat* (Lawrence, Kansas: University Press of Kansas, 2001); Melissa K. Stockdale, «"My Death for the Motherland Is Happiness": Women,

- Patriotism, and Soldiering in Russia's Great War, 1914-1917», *The American Historical Review*, 109.1, 2004, 76 pars, 12.01.2005, URL: <<http://www.historycooperative.org/cgi-bin/justtop.cgi?act=justtop&url=http://www.historycooperative.org/journals/ahr/109.1/stockdale.html>>; Щербинин П.П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII - начале XX в. (Тамбов: Издательство Юлис, 2004).
- ⁶ См.: К. Hagemann, «Heimat-Front: Militar und Geschlechterverhältnisse im Zeitalter der Weltkriege», in K. Hagemann, S. Schuler-Springorum, hg., *Heimat-Front*, S. 13-17.
- ⁷ См., например: Щербинин П.П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII - начале XX в. (Тамбов: Издательство Юлис, 2004).
- ⁸ Там же, с. 425, прим. 408.
- ⁹ В пропаганде тех лет наглядным воплощением этого образа был плакат, изображавший боярыню. См.: Женщины в русском плакате (М.: Контакт-Культура, 2001), с. 6-7.
- ⁰ Стайтс Р. Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм и большевизм, 1860-1930 (М.: РОССПЭН, 2004), с. 382.
- ¹ Там же, с. 429-436.
- ² Там же.
- ³ См.: Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: будни населения Урала в 1917-1922 гг. (М.: РОССПЭН, 2001), с. 502.
- ⁴ Там же, с. 239, 502.
- ⁵ См.: Хасбулатова О.А. Опыт и традиции женского движения в России (1860-1917) (Иваново: ИВГУ, 1994); Стайтс Р. Женское освободительное движение в России: Феминизм, нигилизм и большевизм, 1860-1930 (М.: РОССПЭН, 2004).
- ⁶ См. анализ тенденций англо -американской историографии в докладе А. Крыловой «Rearing a Generation of female Soldiers in 1930s Stalinist Russia or Stalinist Identity from the Viewpoint of Gender» на конференции *Geschichten der Osteuropaischen Geschichte: Paradigmenwechsel in einer historischen Disziplin*, Tübingen, 15-16.10.2004. Опубликованную версию доклада см.: А. Krylova, «Stalinist Identity from the Viewpoint of Gender: Rearing a Generation of Professionally Violent Women-Fighters in 1930s Stalinist Russia», *Gender and History*, 16 (3), 2004, pp. 626-653.
- ⁷ См., например: Градскова Ю.В. «Обычная» советская женщина - обзор описаний идентичности, URL: <<http://www.genderstudies.info/social/s01.php>>; Айвазова С. Русские женщины в лабиринте равноправия: Очерки полит. теории и истории. Докум. материалы (М.: РИК Русанова, 1998).

- ¹⁸ Богат А.П. Работница и крестьянка на страже СССР (М., 1927), с. 7.
- ⁹ Изданием литературы патриотического характера занималась, главным образом, военно-патриотическая организация Осоавиахим (Общество содействия обороне, авиации и химической промышленности), созданная в 1927 г. в результате слияния нескольких организаций парамилитаристского характера.
- ²⁰ О роли «будущей войны» в деле социальной мобилизации см.: Sh. Fitzpatrick, *Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times* (Oxford: Oxford University Press, 1999), pp. 11-13.
- ¹ Как нам готовиться к будущей войне (М., 1927), с. 8.
- ²² ЦДООСО ф. 61, оп. 2, д. 1208, лл. 89-91.
- ²³ См. об этом подробнее: St. Kotkin, *Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization* (Berkeley: Univ. of California Press, 1995).
- ²⁴ Богат А.П. Работница и крестьянка, с. 8-9.
- ²⁵ ГАСО ф. Р-2516, оп. 1, д. 26, лл. 14-15.
- ²⁶ В конце 1990-х - начале 2000-х гг. историография сталинизма пополнилась исследованиями И. Халфина и Й. Хелльбека, объектом которых были дневники и автобиографии «сталинского субъекта». Эти, а также некоторые другие работы, послужили импульсом к обсуждению «познавательной ценности» и возможностей научной критики «эго-документов», появляющихся в условиях тоталитарного общества. См.: J. Hellbeck, *Tagebuch aus Moskau: 1931-1939* (München: Dt. Taschenbuchverlag, 1996); I. Halfin, «From Darkness to Light: Student Communist Autobiography during NEP», *Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas*, 45, 1997, S. 210-236; I. Halfin, *Terror in my soul: Communist autobiographies on trial* (Cambridge & Harvard University Press, 2003).
- ²⁷ О «hidden transcript» («шифровках») и «eigen-sinn» («собственном смысле») см. подробнее: J.C. Scott, *The Hidden Transcript of Subordinate Groups* (New Heaven: Yale University Press, 1981); Th. Lindenberger, hg., *Herrschaft und Eigen-Sinn in der Diktatur: Studien zur Gesellschaftsgeschichte der DDR* (Köln, Weimar: Bohlau, 1999); M.-D. Ohse, *Jugend nach dem Mauerbau: Anpassung, Protest und Eigensinn (DDR 1961-1974)* (Berlin: Links, 2003).
- ²⁸ См.: А. Krylova, *Rearing a Generation of female Soldiers*; Ровный Б.И. «„Женский вопрос" и женские стратегии выживания в российских кризисах XX в.: к постановке проблемы», *Женская повседневность в России XVIII-XX вв.*, Материалы международной научной конференции, 25.09.2003 (Тамбов: Издательство ТГУ, 2003), с. 203.

- ²⁹ «В первой конной. Воспоминания врача-орденоносца Шифры Хотимской», *Работница*, №18, 1935, с. 11.
- ³⁰ «Отважные альпинистки», *Работница*, №21, 1935, с. 8.
- ³¹ К числу наиболее популярных женщин, олицетворявших этот тип женщины, принадлежали советские летчицы Полина Осипенко и Марина Раскова, первая женщина-инструктор парашютного спорта Ольга Яковлева и др.
- ³² См.: J. Bergman, «Valerii Chkalov: Soviet Pilot as New Soviet Man», *Journal of contemporary History*, 1 (33), 1998, pp. 135-152.
- ³³ См.: Давайте прыгать, девушки! Рассказы девушек-парашютисток, поставивших мировой рекорд высотного прыжка (М., 1936).
- ³⁴ О неоднозначном отношении к изображению телесных признаков пола см.: Кон И. «Мускулистая маскулинность. Атлетизм или милитаризм?», *Гендерные исследования*, №6, 2001, с. 114-127, здесь с. 123-124.
- ³⁵ Раскова М. Записки штурмана (М., 1976), с. 96-97.
- ³⁶ Бабушкина Н. «Готовимся к новым победам!», *Давайте прыгать, девушки!* (М., 1936), с. 35.
- ³⁷ См.: А. Krylova, *Rearing a Generation of female Soldiers*.
- ³⁸ См. к образу женщины в советском плакате 1930-х гг.: Женщины в русском плакате.
- ³⁹ См. подробнее: W. Odom, «The Militarisation of Soviet Society», *Problems of Communism*, No.25, 1976, pp. 34-51; M. Von Hagen, *Soldiers in the Proletarian Dictatorship. The Red Army and the Soviet Socialist State, 1917-1930* (London: Cornell Univ. Press, 1990).
- ⁴⁰ См., например, материалы секции по военной подготовке женщин Уралосоавиахи-ма, ГАСО ф. Р-2516, оп. 1, д. 26 и др.
- ⁴¹ ЦДООСО ф. 61, оп. 2, д. 785, лл. 29-31.
- ⁴² Подробнее об этом см.: S. Conze, «Weder Emanzipation noch Tradition. Stalinistische Frauenpolitik in den vierzigen Jahren», in St. Plaggenborg, hrsg., *Stalinismus* (Berlin: Berlin-Verl. Spitz, 1998), S. 293-320.
- ⁴³ Малиновская М. «Замечательный тридцать пятый год!», *Давайте прыгать, девушки!* (М., 1936), с. 71.
- ⁴⁴ См.: ОГАЧО ф. Р-220, оп. 1, д. 121, лл. 16-17.

- ⁴⁵ Там же, лл. 6, 21; д. 120, л. 3.
- ⁴⁶ ГАСО ф. Р-2516, оп. 1, д. 26, л. 2.
- ⁴⁷ ГАСО ф. Р-2516, оп. 1, д. 26, лл. 21-22, 55, 62-62 об.
- ⁴⁸ Малиновская М. «Замечательный тридцать пятый год!» *Давайте прыгать, девушки!* (М., 1936), с. 67.
- ⁴⁹ Там же, с. 77.
- ⁵⁰ Раскова М. Записки штурмана, с. 48.
- ⁵¹ ЦДООСО ф. 61, оп. 2, д. 629, л. 83.
- ⁵² ГАСО ф. Р-2516, оп. 1, д. 26, лл. 55-55 об.
- ⁵³ ЦДООСО ф. 61, оп. 2, д. 629, л. 20.
- ⁵⁴ ЦДООСО ф. 61, оп. 2, д. 629, лл. 74-76.
- ⁵⁵ См. статью Т. Пайнича *Гибель и апофеоз* в настоящем номере.
- ⁵⁶ По последним, весьма приблизительным, данным, количество женщин, участвовавших в Великой Отечественной войне, составило 800 тыс. человек. См.: Иванова Ю.Н. Храбрейшие из прекрасных: Женщины России в войнах (М.: РОССПЭН, 2002), с. 256.
- ⁵⁷ См. к этому вопросу: Сенявская Е.С. Психология войны в XX в.: Исторический опыт России (М.: РОССПЭН, 1999); *Mascha + Nina + Katjuscha: Frauen in der Roten Armee 1941-1945* (Berlin: Links, 2002); Гапова Е. «Между войнами: женский вопрос в национальных проектах», *Социальная история*, ежегодник, 2003: Женская и гендерная история, под ред. Н.Л. Пушкаревой (М.: ППП Тип. Наука, 2003), с. 206-207 и др.
- ⁵⁸ К этой проблеме см., например, о судьбах женщин-ветеранов Великой Отечественной войны, женщин-инвалидов и др. категорий воевавших женщин: *Mascha + Nina + Katjuscha*.